

Дизайн автора

ГЛАМУРНЫЙ ЖУРНАЛ

...И тогда я и понял одну простую вещь – что ни в чем ты так не уязвим, как во владении собственностью, которую кто-то непременно захочет у тебя отнять, и, стало быть, чем ее меньше, тем ты свободнее, и лучше иметь ее в размере прожиточного минимума, ну, как в советские времена... и потому резонней просто служить на кого-то своими мозгами за адекватную плату, чем самому организовывать бизнес и рабочие места. Так я оказался в журнале, вернее в целом наборе журналов, выпускаемых под крышей одного водочного князька. Не решаюсь назвать его ни магнатом, ни олигархом, тем более, что не знаю – жив ли он еще, выжил ли в то крутое время тотального захвата бывшей госсобственности. Разброс интересов там был довольно широким – от путеводителей-справочников по Питеру до теннисного журнала и катеров с яхтами, включая глянцево-издания, посвященные исключительно еде и питию. Одно, помню, называлось «Мир пива», в нашем перспективном плане собственными глазами видел строку «Мир водки». Печаталось все это в Финляндии.

Дело это для меня было абсолютно новое и интересное. К тому же, команда там подобралась отменная – сливки с бывших государственных издательств, которые разваливались на глазах. Одних работников там называли перьями (и я среди них), других числили корректорами, третьи занимались рекламой, четвертые версткой и компьютерной графикой. Компьютеры только входили в издательский обиход, и мы чувствовали себя первопроходцами в новом мире рыночных отношений, с его так сказать неограниченными возможностями для проявления личной инициативы. Впрочем, все личное было подчинено интересам фирмы, и это тоже было ново и занятно. Для формирования корпоративной этики нас собирали в арендуемых для этой цели огромных помещениях, где столы ломились от яств в то еще полуголодное время, когда в магазинах было хоть шаром покати, и только на рынках, само собой благополучно переживших советскую власть, жизнь кипела, разве что втридорога.

Помню эти накрытые столы, нервную толкотню возле них – вдруг не достанется?! – нетерпение, превосходящее нормы приличия... Впрочем, это относилось не к нашей команде, а ко всякой полезной шушере, которую приглашали на презентации наших изданий, — от несытых журналистов до еще не нагулявших жирку городских чиновников, в резвости у столов никому не уступавших.

Моя зарплата равнялась тогда 200 долларам – тогда на это можно было жить, в долларах я ее и получал, считая после краха своего бизнеса, что мне повезло. Столько же получал в Штатах в качестве welfare только что прочитанный мною Эдичка Лимонов, и я ему не завидовал — стоило ли забираться так далеко по поводу, который уже исчез — никакой тебе цензуры, полная до неприличия свобода, которая, оказывается, ничем не лучше несвободы, а подчас и хуже... Потому что, давая тебе свободу, государство умывает ручки — барахтайся, как хочешь в этой трясине, наравне с миллионами таких же, как ты, а кто выползет на берег — тот и прав.

Но хоть я и чувствовал себя на коне, конь мне достался спотыкливый, и в коллективе журнала по теннису, который нам поручили выпускать, я вскоре оказался не ко двору. Правда, в теннисе я мало что понимал, зато среди понимающих я единственный обладал мало-мальски общей культурой и приличным литературным языком, даром, что к тому моменту уже мог похвастаться синопсисом, в котором числилось, по меньшей мере, пятьдесят статей — о театре, музыке и

кинематографии, не считая литературных рецензий. Так что поначалу я в этом новом коллективе считался добротным литературным правщиком-обработчиком — мне несли чугуны, и я как алхимик превращал его в золотые слитки. Меня заметили, меня уже похваливали.

В нашей отдельной теннисной команде было четыре человека, и все были поначалу равны, но вот наш коммерческий директор, первое по приближенности к олигарху лицо, принимающий важнейшие организационные решения, сделал одного из нас главным редактором журнала, и я почему-то сразу почувствовал, что долго мне здесь не продержаться. Нашим главным стал бывший полковник Советской армии, занимавшийся компьютерной разведкой в годы службы, прерванной по неизвестным причинам, — небольшого росточка представитель, как теперь принято выражаться, кавказской национальности, по имени Заирбек Зурабов, скорее всего чеченец, — впрочем, он всегда тщательно избегал этот вопрос, как-то уныло замирая, когда его спрашивали напрямую. Но никто особенно и не спрашивал. Ну, что его сделали главным, это понятно — полковник как-никак, то есть в принципе умеющий командовать не только нами тремя, но и целым полком. Да и теннис он знал изрядно — представляя собой ходячую энциклопедию игроков прошлого и настоящего, равно как и всевозможных турниров по всевозможным теннисным версиям. Гражданская одежда, как на многих бывших военных, сидела на нем мешковато, а еще он заикался, но особым образом, беззвучно борясь с недающейся согласной, а потом тяжело роняя слово, перегруженное темной энергией этой молчаливой борьбы. Я просек свою участь, когда он не дал мне на правку свои статейки, и стал вдруг по живому резать мое интервью с одним моим знакомым актером, теннисным фанатом и серьезным игроком-любителем, составлявшим с москвичом Александром Караченцовым одну из самых грозных пар на любительских турнирах, коих тогда, в период зарождения класса новых русских, стало неожиданно много. Да, их организовывал новый русский капитал, чтобы потусоваться в свободное время. К тому же, в теннис играл Ельцин, и шлейф президентского хобби тянулся до самых отдаленных уголков территориально сильно отощавшей России.

С холодком в сердце я смотрел на маленькую, почти детскую руку моего нового начальника, в которой обкусанный стерженек с гелиевыми чернилами нервно вычерчивал на распечатке моего интервью какие-то загогулины, знаки моей профнепригодности. Я понимал — мне дают урок послушания и смирения, меня ставят на подобающее мне место, с краю, в тени, куда не доходит свет рампы. Но на такое место я вставать не хотел — я взял его, с моей точки зрения, варварски-безграмотную правку и пошел с ней к нашему коммерческому директору, которому я симпатизировал уже за одно то, что он третий месяц исправно выдавал мне оговоренную зарплату. Коммерческий директор, ставший таковым тоже в силу принципиально новых обстоятельств, а вообще-то психотерапевт, был со мной вполне корректен. Лысый, сорокалетний, с умными семитскими глазами и гедонистической складкой полных губ, как бы хранящих послевкусие хорошего вина и закрепляющих это ощущение легким остаточным причмокиванием, он отнесся с видимым пониманием к моей проблеме, хотя это и стоило ему некоторого добавочного усилия мысли... Но в данном случае моя литературная правота мало что значила в сравнении с выпуском теннисного журнала, к которому уже были притянуты деньги рекламодателей, и я был просто переведен в другую редакцию под начало молодого человека, не имеющего никаких литературных амбиций, — нам же было поручено подготовить новый путеводитель по Санкт-Петербургу.

Как я постепенно стал понимать, новые издания интересовали новых издателей лишь постольку, поскольку с их помощью можно было притянуть денежные средства. Поэтому главными людьми во всех наших командах были те, кто занимался рекламой. Ей и был в первую голову озабочен мой новый руководитель, предоставляя мне карт бланш во всем остальном. Архитектурные красоты города были мне намного ближе теннисных перипетий, к тому же на истфаке, где я имел честь вести семинар, было немало знатоков родных пенат. Увы, наш путеводитель так и не увидел свет, хотя собранные в нем статьи были прекрасны. Но то ли наш главный решил, что путеводителем хорошую рекламу не притянешь, то ли мой новый руководитель так и не смог притянуть подобающие средства, — так или иначе, иной редакции и иного дела мне больше никто не предложил, я и понял, что уволен.

Это было неприятно, коль скоро касалось моей творческой состоятельности, не говоря уже о самолюбии, — неприятно, но не смертельно. А спустя некоторое время мне позвонила одна из новых знакомых по той самой команде и сказала, что у нее есть для меня интересное

предложение. Она сказала, что тоже ушла, то есть сама, что на фирме больше делать нечего, так как она трещит по швам, огромные средства вбуханы в журналы, которые никому не нужны, тогда как есть конкретные направления, например, раскрутка на нашем рынке немецкой косметики, для чего нужен новый журнал соответствующего профиля.

Это было очередное везение!

У моей новой знакомой была чуть ли не говорящая фамилия – Пожалуй, Даша Пожалуй; именно этим словом я и выразил ей свое согласие... Она была пышной, но стройной девицей белорусских кровей, то есть довольно видной блондинкой с польскими корнями, но по причине своей пышности, к которой я был всегда равнодушен, не вызывавшей у меня каких-либо неделовых мыслей. Мы почти что сдружились на этой деловой основе и приступили к созданию нашего косметологического детища. Нашему гламурному журналу надлежало лежать во всех салонах красоты и приобщать как новых бизнес леди, так и новых русских жен к продвинутой экологически чистой европейской косметике от немецкого производителя. Основой этой продукции были кремы для всех частей тела — от рук и ног до самых интимных мест, что позволяло нам подключить к делу самую необузданную фантазию

В отличие от меня, Даша прежде журналами не занималась, а только рекламными статейками, в чем честно мне и призналась с первых минут разговора, но, в общем, владела литературным слогом и рвалась в бой. «Вы ведь меня научите?» — говорила мне с солидарной улыбкой, и я, наконец, снова почувствовал свою востребованность. Начали мы с плана — я разбил наше будущее творение на девяносто шесть требуемых страниц, затем на дюжину тематических разделов и мы стали придумывать каждому емкое и броское название, что было непросто, и делать первую наметку будущих материалов. На самом деле, страниц под них требовалось гораздо меньше, так как примерно половина отводилась на рекламу. Да и оставшиеся сорок восемь гляцевых и упругих, как лист магнолии, бумажных носителей, иначе — двадцать четыре полновесных разворота, по нашему замыслу должны были верстаться щедро, широко, с большими отступами и роскошными полями, где обилие пустого пространства лишь усиливает значимость слова или графического изображения.

Начинать новое всегда увлекательно, и свежие мысли летели навстречу нам, как бабочки к ночному огню. И хотя ночью у нас были разные постели, мы договорились звонить друг другу, если это важно, в любое время суток. А важным тогда казалось все... Вскоре у нас, помимо выкристаллизовавшихся рубрик, четко проступили контуры и двадцати тем, за каждой из которых я видел и авторов-исполнителей с телефонами и адресами — оставалось только дать отмашку.

И вот с этим подробнейшим план-проектом мы держали экзамен перед Хозяйкой фирмы, которая все это и затеяла. Она мне скорее понравилась, чем нет, — еще возраста бальзаковских женщин, суховатая, миловидная, тщательно, но неброско одетая и причесанная, со слегка размытым, тонких черт, лицом, которое под макияжем легко становится почти красивым, она была с нами сдержанно приветлива, полустрога-полуобщительна, помня себе цену и не заботясь о том, чтобы произвести должное впечатление... На каждое наше предложение она снимала трубку телефона, чтобы проконсультироваться, или же колдовала с кнопками тогда недостижимого для простых смертных мобильника, который в ее красивой узкой руке смотрелся куда как органично. Экзамен мы, в общем, выдержали, и заминка произошла лишь только, когда речь коснулась оценки наших трудов. Я твердо решил продаваться за дорого и оценил свои услуги в триста долларов за месяц, никак не меньше – все-таки я позиционировал себя как специалист высшей квалификации. Проект же мы должны были подготовить за три месяца — то есть оригинал-макет, готовый к сдаче в типографию. Столько же полагалось Даше и столько же дизайнеру журнала, которого еще не было, но которого я обещал найти.

Заминка же заключалась в том, что впервые за два часа нашей беседы Хозяйка проекта, услышав озвученную мной цифру, на мгновение онемела всеми мышцами своего холодновато-миловидного недокрашенного лица и спросила: «Так дорого?» — «Разве?» — спокойно удивился я и назвал ей два-три журнала, где тогда платили вдвое больше. «Но мы только начинаем», — возразила она с выражением легкой зубной боли на лице, однако, прочтя в моих глазах решимость продолжать торг, как-никак не первый день в книжно-журнальном бизнесе, сказала: «Хорошо, мы

к этому вопросу еще вернемся». Даша все это время хранила деликатное молчание — таков был наш с ней уговор, но, видно, этим снискала большую симпатию Хозяйки, чем я.

Однако, поскольку к разговору об оплате мы больше не возвращались, как-то стало само собой разумеющимся, что наши условия приняты. Дизайнера я откопал там же, на бывшей своей службе у водочного олигарха. Выпускник Академии художеств, а именно факультета книжной графики, он уже отменно владел графическими компьютерными программами, и наша работа закипела. На площади трех квартир, выкупленных фирмой на одном этаже жилого дома, нам выделили рабочее место с компьютером и принтером, но появляться там каждый день не было никакой необходимости, и мы работали то каждый сам по себе за своими домашними компьютерами, то собираясь вместе у дизайнера — благо он жил как раз посерединке между мной и Дашей, к тому же возле метро. Я же поднял на ноги всех своих пишущих знакомых и знакомых их знакомых, особенно по медицинской части — и никто мне не отказывал, времена были еще полуголодные, и за кусок хлеба шла борьба.

Вскоре ко мне одна за другой стали стекаться статьи о косметике рук, ног и прочего, что, оказывается, никак не могло нормально функционировать без использования высокоэкологических немецких кремов. К заданию мои авторы отнеслись фундаментально, так что многое и мне самому открылось впервые. Так я узнал, сколько всего в человеческой стопе косточек, а на лице под кожей — лицевых мышц. Уяснив, что последних — целых двадцать, я какое-то время даже иначе стал смотреть на себя в зеркало, отслеживая механизм собственной мышечной мимики. Даша же сочиняла нечто бойкое насчет косметических масок Клеопатры, а одна ее подруга из Белоруссии написала блистательное эссе о прическах, их корреляции с внутренним миром носителя, или, по крайней мере, — с его настроением, и еще — о том, как позиционировать себя с помощью прически на званой вечеринке. Тогда я и сделал для себя удививший меня самого вывод, — что нет неинтересных тем в области человеческой активности, к чему ни прикоснешься — все чудотворное и неисчерпаемое. И чем глубже ты копаешь предмет, тем он таинственней.

На какое-то время я даже стал ощущать себя не только создателем, но и грядущим участником некоего романтического гламура, где шелка, зеркала в золотом багете и красивые длинноногие девы, готовые ради славы скинуть для тебя эти шелка. Как будто во мне очнулись мои подростковые грезы... Я стал несколько иначе смотреть на молодых женщин, и однажды в метро не удержался — подошел к одной красотке, представился главным редактором и предложил фотосессию для нашего журнала. Все это я проделал с моей точки зрения солидно, без каких-либо намеков на личное продолжение, однако с легкой горечью, оттого что не в моих руках будет фотокамера... Снимал тот же Костя, стремительно освоивший по совместительству и камеру, — я его понимаю, тогда мы хватались за все... Увы, моя красotka оказалась деревянной куклой, и Хозяйка забраковала отснятый материал, я же больше не стал выходить за предложенные мне рамки...

С Хозяйкой мы встречались раз в неделю, а однажды я был удостоен чести сопровождать ее в центр на Садовую, где тогда располагалась контора, еще за копейки выдающая лицензии на издательскую деятельность. Мелкие темные чиновнички, еще не совершившие своего бесшумного государственного переворота и не вернувшие себе власть, смотрели на нас, новых бизнесменов, завистливо и подбострастно. Бизнес был на подъеме, а чиновничество — на ущербе, что, конечно, прежде всего, отражалось на статусе жизни — ведь мы приехали на черном джипе с личным водителем... Эта совместная неформальная поездка, считал я, должна была как-то нас сблизить, меня — исполнителя и мою Хозяйку — заказчицу. Она была еще лучше и продуманней одета и причесана, с легким, почти незаметным дневным макияжем — из-за меня, решил я, и даже стал присматриваться к ее суховато-стройной спортивной фигуре — маленькие ягодицы, тонкие запястья, правое украшено золотым браслетом, стройные, в ажурном капроне, щиколотки... Я знал, что она замужем, дочке восемь лет, но вполне допускал легкий мезальянс между нами. Хотя, пожалуй, был разочарован, когда, сделав по моей наводке и подсказке все необходимое, она перед тем, как захлопнуть дверцу джипа чероки, вдруг словно вспомнив, что где-то тут был человек рядом с ней, что называется, дежурно улыбнулась мне, и когда джип рванул с места, — сто очков против одного — что она тут же забыла о моем существовании.

Да, пожалуй, женщины меня испортили, и я привык ко вниманию. Но это было в той, прошлой жизни тотального равенства. Теперь я был ей не ровня. И на чужой каравай рот не разевай. Размечтался... Много сейчас таких шуриков объявилось... Мое дело — адекватно продавать свои мозги, прекрасный товар: сколько ни трать, все равно не убудет. Да, надо сказать, что новые русские быстро освоили табель о рангах, в одночасье, ну, в одногодье, отделившись от общей массы — дорогой одеждой, хамским высокомерием, едой из только что открытых кооперативных магазинов с недоступной заморской всячиной, мобильниками, иномарками, в которые они пересели из троллейбусов и трамваев... Я и сам успел испытать это приятное бульканье своего мнимого превосходства над окружающими, осознав его эфемерность, только разорившись и вернувшись в народ...

У нашего дизайнера Кости, которого я нашел через знакомых по Академии художеств, в отличие от меня с Дашей, была семья — жена и две маленькие дочери. Оба они входили в какой-то индийский ашрам, вернее, в его представительство в Питере, раз в год летали в Индию к своему учителю, были приветливо-медитативны, ходили по квартире только босыми, как и их дети, несмотря на зимние сквозняки, и был у них замечательный серо-голубой кот настоящей английской породы, то есть словно в подражание хозяевам постоянно улыбающийся, хотя и не чеширский. Вдвоем, пока не пришла Даша, имеющая привычку всегда и везде опаздывать, а потом и втроем, мы, собравшись у монитора, создавали будущий шедевр...

Уже через полтора месяца журнал был в принципе готов, вчерне сверстан, и если бы не вводные нашей Хозяйки, то и дело посягавшей на наше стройное творение, мы бы сдали его гораздо раньше намеченного срока. Впрочем — это было не совсем в наших интересах, ибо три месяца — это девятьсот долларов на каждого из нас, а полтора — соответственно, всего лишь четыреста пятьдесят. Итак, наша работа плавно перетекла в этап корректуры — и тут, за месяц до сдачи журнала, началось что-то странное. Например, я звонил Даше с просьбой, чтобы, согласно нашим внутренним правилам, она переслала мне по электронной почте еще не отредактированные материалы, или же давал адрес корректора, которому следовало переправить уже отредактированное мною, но ни то, ни другое она не делала, отговариваясь какими-то непонятками, вроде и не возражая, вроде и не соглашаясь. Это систематически повторялось, и я постепенно стал осознавать, что являюсь как бы лишним звеном, что в моих услугах почему-то больше не нуждаются, ну, типа: мавр сделал свое дело — мавр может уходить. Но понимая, чем это для меня чревато, я почему-то продолжал считать, что все остается по-прежнему, в рамках нашей принципиальной договоренности, хотя и отмечал краем сознания, что раз нет документа, удостоверяющего как лицо исполнителя, так и лицо заказчика, а также самый предмет заказа, как и гонорар за его исполнение, то и сам принцип отсутствует...

И все-таки на другом краю сознания я держал идею порядочности лиц, пригласивших меня для совместного труда в качестве генератора и практика, ну, по американской деловой формуле, что уговор дороже денег, — как-никак, а Хозяйка проекта открыла уже несколько салонов красоты в нашем городе, значит, деловой хватки ей не занимать, и слов на ветер она не бросает. Поэтому я, как ни в чем не бывало, продолжал звонить Даше и с радостной интонацией соратника посвящал ее в новые идеи. Да, теперь не она мне звонила сорок раз на дню, а я — будто чаша ее значимости перевесила. Впрочем, так оно, видимо, и было. Костя сохранял нейтралитет, а умная Даша, оказавшаяся отличной ученицей, пятерочницей, стала стремительно отдаляться от учителя. И если бы я не напоминал о себе, обо мне бы тотчас и навсегда с удовольствием забыли бы. Ну, ладно — терзаясь сомнениями, не мог я заснуть по ночам, — ну, пусть они решили, что мое дело сделано, и платить мне за третий месяц — это будет слишком жирно... Сам виноват — слишком быстро стартанул, сразу же раскрыв все карты... Получить шестьсот долларов вместо девятист — это было, конечно, больно и обидно, но ничего тут не поделаешь... Так и прошел этот последний месяц в моих самопальных потугах остаться третьим в «паре гнедых, запряженных с зарею...»

Но момент истины приближался, журнал надо было сдавать в печать, и тут обнаружилось, что мы сделали слишком много, напихали в него материала вдвое больше, чем следовало, лишили воздуха и места для рекламы. Это было подано нам Хозяйкой как наш просчет, но она, несомненно, лукавила — ведь на самом деле это означало совсем другое — что по сути дела у нас собран еще один журнал, то есть второй его номер. За несколько дней журнал был облегчен, просеян, кое-какие разделы и рубрики перенесены во второй номер, и, наконец, торжественная

сдача нашего творения в печать состоялась. Я при этом лично не присутствовал, но какая разница...

Опять же, позвонила Даша и попросила у меня адреса и паспортные данные тех моих авторов, кто для нас писал. Это был хороший знак. Итак, расчеты с авторами начались, и я терпеливо ждал, когда очередь дойдет и до меня. Даша меня предупредила, что дергаться не надо — Хозяйка сама мне позвонит. Это был плохой знак. Что значит «позвонит»? Разговоры закончены, пожелания исполнены — деньги на стол. Но надо же — она мне еще будет звонить. Чтобы помимо денежного вознаграждения выразить личную благодарность? Чтобы обсудить какой-нибудь еще более грандиозный проект? Чтобы... Словом — я ждал. Ждал и терялся в догадках...

И она позвонила. Где-то в шестом часу пополудни. Позвонила и сказала, что должна со мной поговорить. «Внимательно вас слушаю», — приветливо сказал я, стараясь и на расстоянии излучать дух товарищества и доброжелательства, хотя голос ее не предвещал мне ничего хорошего. И меня даже слегка потряхивало от интонаций этого голоса. Но я сказал себе: держись, в этом разговоре ты должен победить, и вел себя (по крайней мере, в своих глазах) как стратег на поле боя: не бросался вперед очертя голову, приберегал свои главные силы, то бишь аргументы, и отвечал ловкими маневрами на выпады противника. А выпады были следующие: что мой вклад в создание журнала минимален, что все на девяносто пять процентов сделано Машей и Костей, что, следовательно, мои труды могут быть оценены лишь по минимальной шкале — как человека, который дал несколько консультаций. Я же, помня, что я стратег, очень спокойно реагировал на это, и в свою очередь говорил, что основные рубрики журнала придуманы мной, что большая часть авторов привлечена с моей стороны, что я редактировал их материалы и, кроме того, непосредственно участвовал в создании графического образа журнала, направляя в нужное русло фантазию дизайнера, которого опять же я и нашел... И что, не будь меня, не было бы и Машиных материалов, поскольку до меня она не имела никакого опыта в журнальном деле.

Но, видимо, идея, что я всего лишь сторонний одноразовый консультант, которого можно задвинуть подальше, настолько понравилась хозяйке, что она проводила ее и далее, говоря, что по сути я уже давно устранился от дел, и если бы не Маша с Костей... А я возражал в том смысле, что есть главный конструктор и исполнители, и когда конструкция готова, то можно невзначай забыть, откуда ноги растут, и что это с позволения сказать «устранение», уж неизвестно кем инициированное, было сделано только тогда, когда стало ясно, что журнал состоялся. Ах, как отчетливо я представлял себе этот конфиденциальный разговор между Хозяйкой и Машей, когда первая предложила, а вторая, не моргнув или пусть даже смущенно поморгав минутку-другую согласилась меня кинуть. Но и какое это устранение, продолжал я, если до последнего дня был связан с Машей нашими общими делами.

— До последнего дня? — хмыкнула Хозяйка, как бы имея совсем иные данные по поводу моих трудозатрат. — Даша была готова сама поговорить с вами на сей счет. Но я решила взять эту неблагодарную миссию на себя.

— А что же тут неблагодарного? — уцепился я за слово. — Три месяца я занимался только вашим журналом и ничем больше, хотя у меня были другие предложения от других фирм (таковых естественно, не было, но какая разница...).

Так мы препирались довольно долго, но я, несмотря на свою стратегию немедленного реагирования на каждом, подвергающемся обстрелу участке, чувствовал, что терплю общее сокрушительное поражение, потому что по большому счету все козыри были в руках Хозяйки, плюс мой гонорар — и это только ее интеллигентность и воспитание в благополучной среде не позволяли ей послать меня с первых же слов куда подальше. Она почему-то хотела, чтобы я проникся. Уважала? Опасалась? Или просто выгораживала Дашу, которая была ей еще нужна, вероломную Дашу, которая позволила выдернуть из-под меня стул, чтобы усесться на двоих, благо размеры ее пышного хорошей формы зада ей это позволяли.

— В общем, — подвела итог Хозяйка, заметно поскуцнев от бесперспективности нашей полемики, — ваши услуги я оцениваю в сто долларов, не больше.

— Сто долларов? — ошеломленно повторил я, мысленно уже наполовину опустивший свою планку.... — Тогда купите себе на них баранок! — И с этими словами я бросил трубку.

Почему баранок? – не знаю. Ведь глупым наивным бараном оказался я сам.

Однако в дальнейшем я очень гордился этими своими словами, не забыв упомянуть их и в разговоре по телефону с Дашей, и не без сарказма добавив, что эти деньги, коль скоро они вошли в смету расходов, она может законным образом поделить с Костей. Не знаю, уловила ли Даша мой черный юмор, скорее всего — да, ведь она была умненькой девочкой и отличной ученицей, и даже по телефону я видел и слышал, как ей неловко передо мной за случившееся, в котором от нее ничего, ну, просто ничего не зависит...

Кроме этих моих слов меня еще утешало, что с моими авторами все-таки расчет был произведен полностью, до рубля. С Дашей мы больше не встречались, лишь однажды Костя от нее и по ее просьбе передал мне экземпляр вышедшего журнала, в котором, как мне сама с гордостью сообщила по телефону Даша, ей удалось отстоять мою фамилию. Великий подвиг.

Я себя не сразу нашел, и не в списке тех, кто готовил журнал, а лишь тех, кому редколлегия выносила благодарность за оказанное содействие. В чем оно заключалось – поди, разбери. Возможно, в спонсорстве размером в те отказные сто долларов...

Журнал у меня не сохранился – я отдал его моему парикмахеру, красивой девушке по имени Тоня, вполне счастливой в своем втором замужестве.

1988, 2009